

Высота

Вцепились они в высоту,
как в свое.
Огонь минометный,
шквальный.
Но снова мы лезли, хрипя,
на нее —
за вспышкой ракеты
сигнальной.
Ползли к высоте в огневой
полосе.
бежали и снова ложились,
как будто на этой высоте
все-все
дороги и судьбы скрестились.
И крики «ура!» заставляли
во рту,
когда мы пули глотали.
Шесть раз занимали мы ту
высоту,
шесть раз мы ее оставляли.
И снова в атаку не хочется
всем,
земля — как горячая каша,
В седьмой — мы возьмем ее
насовсем —

свое возьмем,
кровавое,
наше.
А может, ее стороной обойти,
Да что мы к ней так
прицепились?!

Но, видно, уж точно все
судьбы-пути
на этой высоте скрестились.
Все наши деревни, леса,
города
в одну высоту эту слились —
в одну высоту, на которой
тогда
все судьбы с путями
скрестились.

К вершине

Ты идешь по кромке ледника,
взгляд не отрывая от вершины.
Горы спят, вдыхая облака,
Выдыхая снежные лавины.

Но они с тебя не сводят глаз,
будто бы тебе покой обещан,
предостерегая всякий раз
камнепадом и оскалом трещин.

Горы знают, к ним пришла
беда,
дымом затянуло перевалы.
Ты не отличал еще тогда
от разрывов горные обвалы.
Если ты о помощи просил,
громким эхом отзывались
скалы.

Ветер по ущельям разносил
эхо гор, как радиосигналы.
И когда шел бой за перевал,
чтобы не был ты врагом

замечен,
каждый камень грудью
прикрывал,
скалы сами подставляли плечи.

Ложь, что умный в горы
не пойдет, —
ты пошел, ты не поверил
слухам.

И мягчал гранит, и таял лед,
и туман у ног стелился пухом.
Если в вечный снег навеки ты
ляжешь — над тобою,

как над близким,
наклонятся горные хребты
самым прочным в мире
obeliskом.

И снизу лед,
и сверху — маюсь между,
пробить ли верх или
пробуровать низ?

Конечно, всплыть
и не теряя надежды,
а там за дело
в ожидании виз.

Лед надо мною —
надломись и тресни!
Я весь в поту,
как пахарь от сохи.

Вернусь к тебе,
как корабли из песни,
все помня, даже старые стихи.
Мне меньше полувека —

сорок с лишним,
я жив,
двенадцать лет тобой
и господом храним.

Мне есть что спеть,
представ перед всевышним,
мне есть чем оправдаться
перед ним.

28 июля 1981 года по просьбе читателей «Новые рубежи» опубликовали статью И. Дьякова о детстве Высоцкого и о становлении его как актера. Мы знаем многие песни В. Высоцкого, но, оказывается, он писал и стихи. Вышел его сборник «Нерв». Очень просим

нашего земляка И. Дьякова еще рассказать о Высоцком и просим редакцию напечатать стихи поэта, так как сборник мы еще не смогли прочитать.

БУНЯКОВ,
ИВАНЬЕВ.

г. Одинцово.

Размышления о жизни и творчестве

Владимира Высоцкого после выхода в свет

сборника его стихов «Нерв»

Большая часть первых месяцев после июля 1980 года сменилась тихой, но неотступной печалью. На место жгучей бездразноты обиды пришла память с привкусом горечи. Человек, чье жизненное отношение к миру и к себе было настолько сложным, что оно не могло быть простым, человек, чье отношение к миру и к себе было настолько сложным, что оно не могло быть простым, человек, чье отношение к миру и к себе было настолько сложным, что оно не могло быть простым...

Это похоже на детскую игру, которую можно было бы назвать «Не заметь бревна в глазу»: телевидение «прокрутило» многие фильмы с его участием; по мере того, как проходит время, в журналах все чаще появляются подборки его стихов... Почему же для того, чтобы «подать» Высоцкого, до сих пор нужно было иметь определенное гражданское мужество, до сих пор требовалось делать независимые-независимые жесты, мяться, стараться продемонстрировать непричастность — и все это вместо того, чтобы открыто и честно выступить в поддержку его творчества? Каких еще условий ждать? Что и теперь препятствует широкому, квалифицированному признанию, которое отменяло бы все домыслы и перешептывания, сэкономило бы миллионы человеко-часов, затраченных на переписывание текстов, поиски новых записей, которое лишило бы опоры спекулянтов, бесстыдно торгующих фотографиями с изображением народного поэта, признанию, которое заставило бы приумолкнуть споров, делящих престижным обладание редкими записями и другими материалами, связанными с жизнью и творчеством Владимира Высоцкого? Что мешает? Даже если завтра хлынет лавина публикаций о нем, куда деваться от чувства мучительного стыда, накопившегося за время, прошедшее с июля восьмидесятого, за время наторженного молчания и болезненной «дегализации» Высоцкого?

Велико число почитателей его таланта, которым хорошо известно, что недавно показанный в «Кинопанораме» сюжет — всего лишь отрывок из большой программы, что существует множество кино-материалов, есть даже фильмы о Высоцком, но их демонстрируют лишь в дорогостоящих загородных ресторанах перед полуэлитной публикой «тайных» нумеришей, которых неустойчиво бичует «Литературная газета».

Есть те, кому довелось поддерживать в руках сборник стихов В. Высоцкого «Нерв», вышедший в издательстве «Современник». Я был среди этих счастливиц. Понитересовался тиражом. Оказалось — 55 тысяч экземпляров. Не думаю, что этого количества хватило бы и на один областной центр.

Что дает Высоцкий? Силу? Какого рода силу? Исконную, изначальную, силу «от земли», добрую силу, которая покоится в каждом, но иногда не пробуждается и в течение всей жизни. Способность ее пробуждать — привилегия подлинного, настоящего искусства. А что дает эта сила — силу

ча? А для того, чтобы мы никогда не забывали о своей человеческой сути, не малодушиничали, считались бы с ближними и дальними. Это сила на то, чтобы в каждом человеке был силен Человек. Идеализм? Отчасти, быть может, и да.

Я посмотрел на спекулянта, нагло ухмыляющегося мне в лицо. Он запросил за сборник «Нерв» пятьдесят рублей и теперь наблюдал за моими страданиями. Я отказался. В основном, из чувства гадливости. Подумалось тогда: вольно или невольно способствовать дефициту «на Высоцкого», во многом искусственному, это все равно что закрыть Эрмитаж и впускать туда только искусствоведов — пусть остальные толпятся вокруг, любуются внешним видом Зимнего...

А не кажется ли вам, читатель, что причины, вынуждающие нас с нервной щепетильностью относиться к личности Высоцкого, кроются в присно-бюрократическом подходе к человеку, согласен которому он должен подходить «по всем пунктам характеристики»? «Ах, ты хороший! Ну, тогда будь идеальным!», — говорят апологеты такого подхода. Эта расхожая идея о сверхтребованиях к хорошему человеку, основанная, как правило, на чувстве собственной ущербности и тайного стыда, достаточно нам наизусть и продолжает вредить. «Что вы мне мужиките — «солнце, солнце!» — а на солнце-то — черное пятнышко...»

Одна девушка в далеком городе спрашивала меня как москвича: «Скажите, был Высоцкий морально устойчив или нет?» Этот вопрос так ее мучил, что на глазах появились слезы нетерпения. Уверен — о песнях она не думала...

Высоцкий — уникальное явление, уникальный человек. Потеря его невосполнима. Но на том и стоит наша земля, что рождаются на ней новые таланты, новые люди с равной душой и щедрым сердцем, которым дано проникать в неизведанное, делать понятным то, что мучит нас своей неопределенностью и тем самым постоянно спасать нас от духовного удушья. Готовы ли мы к их приходу, их постоянному притоку? Ведь надо сделать так, чтобы им было легче жить среди нас. Нельзя унижать людей искусства нечистоплотной любознательностью (именно к таким людям она велика), нельзя давать волю извечному «комплексу идеальных характеристик» — жизнь показывает, что малейшее, в представлении обывателя, «несоответствие», обходится таланту неизмеримо дороже «обычных» тарифов.

Чистоту языка, глубину мысли, искренность чувств — все эти драгоценные качества мы обнаруживаем в песнях и стихах Владимира Высоцкого. Обнаруживали всегда, а не только после того июля, в спешном порядке. Но бывает все еще мощное мнение о нем как о «блатном», как о некоем «певце подворотен». На концерте одного из ансамблей в июле восьмидесятого года, неподалеку от Брнска, зрители попросили исполнить одну из песен Высоцкого. «Но здесь же дети!» — возмущенно воскликнула дама-конфрансье. Тогда зашел весь зал: «Если друг оказался вдруг...»

С другой стороны, сколько очевидной пошлости мы слышим, наблюдая с эстрады! Мерцающие феерические огни,

чемыслимые костюмы и густая косметика лишь подчеркивают ее. Мало того, что это — жалкое подражание иной, к тому же давно устаревшей моде. Это прямой вред нашим эстетическим представлениям. Охватывает недоумение, когда видишь восторженного, влюбленного юношу и слышишь, с каким воодушевлением он напевает «гимн» своей любви, услужливо вползший в его сознание: «Я ушел, а ты пришла, ты пришла, а я ушел...». Или что-то в этом роде: выбор, к сожалению, весьма обширен.

И в этих условиях часто торжествующего невысокого уровня подлинный Высоцкий с его лирическими, философскими стихами и песнями для многих практически недоступен! Мне могут возразить: да, но отовсюду слышны записи — они есть у всех, все его знают... К сожалению, фамильярное, панибратское отношение к Высоцкому, склонность как кому угодно трактовать его личность и творчество — тоже бич. Одни «записывают» его в «блатари», другие старательно «обстругивают» все, что не укладывается в абсолютную плоскость их представлений.

Нет нужды в добровольных «друзьях и исповедниках, толкователях и носителях»... Единственные юности, невесты откуда берущиеся прощелыги, не в меру разговорчивые дамочки тонко бахвалются километрами записей выступлений народного поэта. Пресыщенные закрытыми просмотрами, с атрофированным восприятием прекрасного, эти люди намерены и Высоцкого превратить в модно-дефицитный товар, объявить своей собственностью. Хотя кто знает, упрятали бы они свое давешнее неприятие Высоцкого, если бы не «мода»?

Нельзя отдавать Высоцкого на откуп сплетням и делягам. Они изолгуют, препарируют, искривляют его образ и слово своим подражанием и дурными толкованиями! Он предчувствовал эту опасность. В марте восьмидесятого, за несколько месяцев до смерти, им была написана песня «Ахиллес». В ней есть такие горькие слова:

Саван сдернули — как я обужен,
Нате — смерть!
Неужели такой я вам нужен
После смерти?..

Нет! Нам нужен настоящий, не суррогатный Владимир Высоцкий. Его «отчаянием сорванный голос», не «превращенный в приятный фальцет».

Нам нужны проникновенные, мужественные и очень тонкие его стихи — не переписанные от руки с каких-то листочков сомнительного происхождения. Нужны монографии и исследования о его жизни и творчестве. Довольно сплетен.

Давайте не забывать и его уроков. Ведь, возможно, и сегодня другой без страховки идет.

Чуть левее наклон — упадет, пропадет.

Чуть правее наклон — и его не спасти.

Но зачем-то ему тоже нужно пройти

Четыре четверти пути..

Игорь ДЯКОВ.

Фото В. Мурашко.

Я не люблю

Я не люблю фатального исхода,
от жизни никогда не устаю.
Я не люблю любое время года,
когда веселых песен не пою.
Я не люблю холодного цинизма,
в восторженность не верю,
и еще:
когда чужой мой читает письма,
заглядывая мне через плечо.
Я не люблю, когда наполовину
или когда прервали разговор.
Я не люблю, когда стреляют в спину,
но, если надо, выстрелю в упор.
Я ненавижу сплетни в виде версий,
червей сомнений,
почестей иглу,
или когда все время против шерсти,
или когда железом по стеклу.
Я не люблю уверенности сытой,
уж лучше пусть откажут тормоза.
Досадно мне, коль слово «честь» забыто
и коль в части наветы за глаза.
Когда я вижу сломанные крылья,
нет жалости во мне,
и неспроста:
я не люблю насилия и бессилья,
вот только жаль распятого Христа.

Я не люблю себя, когда я трушу,
и не терплю, когда невинных бьют.
Я не люблю, когда мне лезут в душу,
тем более, когда в нее плюют.
Я не люблю манежи и арены,
на них миллион меняют по рублю, —
пусть впереди большие перемены,
я это никогда не полюблю.

Я все вопросы освещу сполна,
дам любопытству удовлетворенье.
Да! У меня французенка жена,
но русского она происхождения.
Нет! У меня сейчас любовниц нет.

А будут ли? Пока что не намерен.
Не пью примерно около двух лет.
Запылю ли вновь? Не знаю, не уверен.
Да нет! Живу не возле «Сокола»,
в Париж пока что не проник...
Да что вы все вокруг да около?

Да спрашивайте напрямик!
Я все вопросы освещу сполна,
как на духу попу в исповедальне.
В блокноты ваши капает слюна —
вопросы будут, видимо, о спальне?

Да, так и есть!
Вот густо покраснел интервьюер:
— Вы изменяли жене? —
Как будто за портьеру посмотрел
или под кровать залег с магнитофоном.

Да нет! Живу не возле «Сокола»,
в Париж пока что не проник...
Да что вы все вокруг да около?
Да спрашивайте напрямик!
Теперь я к основному перейду.
Один, стоявший скромно в уголке,

спросил:
— А что имели вы в виду в такой-то песне и такой-то строчке? —

Ответ:
— Во мне Эзоп не воскресал.
В карманах фиги нет, не суетитесь!

А что имел в виду — то написал:
вот, вывернул карманы — убедитесь!

Да нет! Живу не возле «Сокола»,
в Париж пока что не проник...
Да что вы все вокруг да около?
Да спрашивайте напрямик!